

Е. Пирс

СЮР

Е. Пирс

СЮР

«Издательские решения»

Пирс Е.

СЮР / Е. Пирс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909601-2

Уже полгода мне приходят странные письма от человека, которого я скорее всего знаю. Несколько дней назад при мне убили мужчину в кинотеатре, и в последнем письме автор утверждал, что был там и тоже все видел. Он следит за мной? Становится все больше не по себе, и эти жуткие сны, в которых говорят, что мне осталось жить чуть больше недели... Если все окажется правдой, я обязательно расскажу, как это было.

ISBN 978-5-44-909601-2

© Пирс Е.
© Издательские решения

Содержание

Веселое кино	6
Леденцы	12
Прощанье	20
Кража Дней	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

СЮР

Е. Пирс

2013—2018

Дизайнер обложки Е. Пирс

© Е. Пирс, 2018

© Е. Пирс, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9601-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Веселое кино

На улице так холодно, что ветер кажется твердым. Бьет по куртке, заставляя ее распахнуться и улететь вместе с ним. Ботинки слишком тяжелы и ноги устали бороться с ветром. Нужно переждать непогоду в магазине.

Это конечно супермаркет, здесь мало покупателей и полки слишком длинные. Кассиры красят ногти и не ждут работы, сегодня уже не будет наплыва покупателей.

Странные бутылки со всевозможными напитками. Йогурты, соки, компоты. Чуть дальше алкоголь и овощи, какой-то старик выбирает яблоки. Пройтись вглубь и наткнуться на отдел с мясом и колбасами. Левее будут чипсы и сухарики. Нужно пошататься по рядам с умным видом, а потом, купить сухарики и уйти. Примерно через час на улице будет жуткая тьма. Во всех смыслах. Нужно будет пробежать по улице, сторонясь прохожих.

Обойдя весь магазин вдоль и поперек, не раз столкнувшись с усталыми взглядами менеджеров, я хватаю маленькую, первую попавшуюся пачку с сушеными кальмарами и ухожу к кассе. Женщина с жидкими волосами недовольно оставляет занятие своей внешностью, и пробивает мои кальмары. Я расплачиваюсь без сдачи мелочью и пафосно выхожу из супермаркета, толкнув дверь ногой.

На улице почти стемнело, и я ускоряю шаг. Я знаю куда пойду. В местном кинотеатре можно купить билет на ночь кино. С девяти вечера до семи утра можно просидеть в зале и смотреть фильмы.

По пути встречаются редкие прохожие и все идут мимо меня, никто не идет в мою сторону и за мной. Хорошо. На противоположенной стороне дороги мигают огни магазинов и кафе. На той стороне дороги всегда мало народу. За магазинами находится небольшой завод по переработке пластика и всего в этом роде. А за ним бескрайние просторы леса и поля.

Покупаю билет. На мое удивление народу пришло прилично. Мне всегда казалось, что на ночные сеансы должны ходить скучающие одиночки вроде меня, они спят днем, а ночью им делать нечего, а не толпы влюбленных пар.

Ступеньки в зале освещались встроенными лампочками и цифрами обозначающими ряд. Найдя свое место в середине зала мне подумалось, что как то странно, сейчас ночью, кинотеатр такой же, как и днем. На мгновение показалось, когда выйду отсюда, естественно на улице будет светло...

Начали показ с голливудского блокбастера. Типичная чепуха про супергероев и их патриотизм. Пару человек выходило и приходило. После фильма, когда закончилась реклама, во время которой некоторые выходили из зала, некоторые не вернулись, зал немного опустел. Начался мультфильм, тоже американский. Про каких-то зверей. Хороший мультик, по крайней мере, добрый. Началась реклама. На этот раз вышло из зала много народу. Кто-то пошел в сторону туалета. Кто-то, в том числе и я, направились к бару, как он сам себя величает. Этаким широкий прилавок с попкорном и кока колой. А также тощим студентом в качестве продавца.

Когда начали показывать фильм про что, еще не успев толком понять, вдруг вырубился свет. Экран погас, зрители в шоке. Первые пару секунд никто не вставал с места. В зале тишина, а за входом в зал слышен шум. Спорящие голоса, срывающиеся на крик, мат, убеждающие голоса не входят в зал...

– ... вы же мне сказали, черт возьми, никого не будет!!! – ворвался голос в тишину, неся с собой свет фонариков и грубые шаги. Этот человек вошел в зал, сделал несколько шагов и остановился, светя на нас, – и что это значит? Что мне с ними делать? Что нам делать! – голос обращался к людям, что стояли в дверном проеме.

Неожиданно, человек поднял руку вверх и выстрелил из пистолета, которого не было мне видно сразу. По залу пронеслись охи и ахи, испуганные крики. Некоторые, из тех, кого мне

было видно, опустились в своих креслах ниже или вовсе спрятались под ними. Последовав их примеру и сев на холодный ковер, мне стало видно немного из происходящего рядом со входом, но так было точно спокойнее.

Снова выстрел в потолок, и грозный голос сказал нам:

– теперь, вы мои заложники! Не вздумайте пытаться уйти пока я, вас не отпущу, или чего доброго звонить кому-нибудь! И тем более полиции! Я снесу вам голову! – демонстративно он выстрелил в нашу сторону, в стену перед ним. По залу снова пронеслись крики, – тише!

Он отошел к своим людям, оставил приглядывать за нами двоих с пистолетами в руках.

Все преступники вышли из зала, оставив нас наедине с «охранниками». Они оставили дверь открытой, но никакого света к нам не поступало кроме фонарей, что были у преступников и наших телефонов.

Эти двое расхаживали туда-сюда вокруг нас с довольным видом начальников. Кто-то плакал с ряда выше. Когда охранники приблизились к стене, в которую недавно стреляли, один смельчак с верхних рядов решил сбежать. Он тихонько спустился со ступенек. Потом перепрыгнул ограду и оказался на плоскости недалеко от двери. Его заметили, когда он прыгал, охранники побежали к нему и не он успел толкнуть дверь, как его пристрелили. По-видимому, он сразу скончался. Раздались плачь и всхлипы, люди были в шоке от происходящего и еще больше спрятались.

Через несколько минут вбежали в зал те же лица и начали громкую беседу:

– денег нет! Нигде нет! Они точно знали, что мы придем. Кто-то... кто-то сказал им, что мы придем.

– ничего страшного. Они поиздевались над нами, не оставив нам ничего кроме кучки в зале, который должен был быть пуст. Но у них с собой деньги есть.

– ты предлагаешь нам грабить их? Это чушь собачья!

– это взбесит их... Мы не оставим то, что можем забрать. Они поймут.

– делай что хочешь, – это сказал тот преступник, который угрожал нам и оставил с нами двоих, – а это что? Труп? Кто его?

– я. – отозвался один из охранников, – он пытался сбежать.

– убери его с глаз моих.

– товарищи заложники, просим вас подняться со своих мест и подойти к нам, – слегка пафосно и с юмором сказал это один из них, – ну же, поднимайтесь! Если будете пытаться сбежать или захотите что-то скрыть, мы вас застрелим. Если вы просто отдадите ваше имущество спокойно, вы сядете на свое место и будете продолжать смотреть фильм. А мы уйдем. Вставайте! – выстрел в потолок, – ну же! – он подошел к женщине с первого ряда и вытянул ее за руку на пол. Она испугалась и вжалась в кресло, сидя на полу. Он поднял ее и поставил на пол, испуганную и рыдающую. Дрожа, она держала в руке сумку. Один человек повернул ружье прямо на нее. Другой отобрал у нее сумку и вытащил оттуда кошелек. Взял все деньги и кинул его назад в сумку. Сорвал с ее дрожащей руки браслет, а с шеи цепочку. Впихнул ей сумку в руки и толкнул в сторону ее прежнего места.

– вот так это происходит господа зрители! Вставайте с мест скорее, становитесь в очередь, и мы оставим вас в покое. Ну же! – снова выстрел в потолок. Никто не хотел вставать и идти отдавать свои деньги и украшения. Грабители приступили к решительным мерам. Они отправили охранников ходить по рядам и за руки вытаскивать людей. Они с фонариками светили и доставали даже тех, кто прятался под креслом. Дошла очередь до меня и пары сидевшей рядом. Нас им было найти труднее, так как мы были в самой середине ряда и смогли протиснуться под кресло. Они ругались и толкали нас к очереди испуганного народа.

Через пару минут очередь дошла до меня. Преступники оценивающе посмотрели на меня и увидели что, у меня нет ни сумки не рюкзака.

– ну а у тебя что. Ну! Что молчишь! – меня толкнули на девушку, стоявшую позади меня. Она удержалась на ногах и даже удержала меня. От нее был резкий запах киви и ананаса. Кажется, она была старше и выше меня, – ну!

– у меня... ничего нет...

– не верю! Общитесь, – человек подошел ко мне. Стащил с меня ветровку и всю ее вытряхнул. На полу после куртки остались лишь пустая пачка кальмаров и помятый билет в это чертово кино. В моих джинсах была мелочь и ни одной бумажки. Им это не нужно и они оставили ее в карманах, – посмотрите на месте! – сторожи с фонариками, двинулись к моему месту в поисках спрятанного сокровища, но конечно ничего не нашли. Пистолет смотрел мне прямо в лоб, – может пристрелить тебя? А то от тебя толку никакого. Только кислород жрешь! Да ну тебя... Вали на место! – меня толкнули в сторону кресел.

Это продолжалось еще десять минут. Люди возвращались на свои места. Когда все были ограблены, а сопротивлявшиеся побиты, нас закрыли в зале. Просто заперли с наружной стороны, не включив нам свет. Некоторые звонили в полицию, некоторые просто ждали. На дворе был час ночи. Девушки всхлипывали на руках у своих кавалеров. Некоторые уже успокоились и были рады, что просто живы.

Когда приехала полиция и включили свет, мне стало не по себе. Темнота скрывала все, что происходило, и делала это успокаивающе нереальным. А теперь, всем виден труп, который отволокли в угол рядом с экраном. Видны подтеки туши на лицах девушек и ужас на лице парней, что кажется еще более печальным.

Полиция хотела допросить всех сразу. Но люди требовали, чтобы их отпустили. Полицейские узнали имена и адреса всех находившихся в зале. Сказали, что позже нам позвонят и попросят прийти и дать показания.

Все быстро выходили из кинотеатра. Кто-то спешил сесть в машину. Кто-то пошел к автобусной остановке. Кто-то пошел пешком. Мне нужно было перейти дорогу и пройти пешком. Не слишком безопасно, но после всего, что только что произошло, мысль о том, что на улице меня могут зарезать, почему-то в голову не приходила.

Шаг, еще много шагов от выхода из кино. И тут, рядом со светофором споткнуться о бордюр, и проехать мордой по асфальту могу только я. Чувствую, нога болит даже сильнее чем ободранный лоб. Поднимаюсь и почти не могу наступить на левую ногу. Сажусь на высокий бордюр, напротив стоянки машин пытаюсь понять, что с ногой. За моей спиной чья-то зеленая машина и еще десяток правее нее. Только начинаю понимать, что ушиб на ноге от камня и бордюра довольно сильный, и что прямо сейчас пойти домой мне не суждено, как кто-то хлопает меня по плечу, так, что чуть сердце не выскочило. Оглядываюсь, это хозяйка машины, что за моей спиной. Узнаю ее. Эта та девушка, на которую меня толкнули в кино.

– не можешь идти? – спросила она меня, голос у нее приятный.

– а... ну, наверное, нет, – испуг дали знать в моем голосе.

– где живешь?

– рядом с восьмой поликлиникой.

– тебе повело. Давай я тебя подвезу, я живу прямо напротив нее.

– а не сложно?

– ну конечно нет! Давай, вставай, – она протянула мне руку и помогла дойти до машины.

Машина была почти новая и, в ней работал кондиционер. Обивка сидений была из мягкой, светло-зеленой кожи.

Мы ехали в тишине. Девушка лишь спросила, как меня зовут, и назвала свое имя. Ее звали Оля. Она работала медсестрой в той поликлинике. Я не знаю, сколько ей лет, но думаю что не далеко за двадцать. Мой возраст она спросила, и сказала что мне, не стоит так поздно быть на улице в нашем районе.

У нее были пшеничные волосы и загорелая кожа. Почему-то мне подумалось, что она ходит в солярий, ведь в этом году лето очень холодное.

Через несколько минут тишины, она спросила, что я думаю о произошедшем в кинотеатре.

– было странно и страшно... Страшно было когда того парня убили.

– да... кстати. У тебя, правда, ничего с собой не было. Ну, денег там...

– правда же. Ничего совсем.

– а я кольцо спрятала и цепочку. Сразу почему-то. Когда свет выключили, а потом они зашли. Я сняла украшение и спрятала в обивке кресла. Думаю, я не одна об этом догадалась.

– наверное. А только почему так...

– давно еще. Мне мать говорила, когда в такси садишься или чувствуешь что могут ограбить – прячь украшения в сапоги и туфли, сейчас мы не в такси но ситуация схожая. Но сейчас-то на мне тапки летние, и не спрячешь ни куда. Вот и подумала в кресло.

– а если бы нам не разрешили сесть на место?

– ну... я бы потом вернулась и забрала.

– а не нашли бы?

– не думаю, что кто-то мог додуматься ковыряться в кресле. О, мы уже почти приехали. Покажи где твой дом, я к подъезду подведу машину.

Она остановила машину, где нужно. Мы попрощались, и она уехала к себе. Интересно, мы еще встретимся?

...

Утром мне позвонила сестра. Она жила сейчас в другом городе вместе со своим мужем. Они недавно поженились, и она переехала к нему. Долго расспрашивала меня о выполнении ее указания по сохранению жилья жильем, а не помойкой, не дав мне и слова вставить. Потом начали литься вопросы о том, как я, что делаю, и тд. и тп., когда, наконец, она замолчала. Она услышала нечто, наверное, неожиданное для нее.

– вчера на моих глазах убили человека.

Тишина по ту сторону трубки, затем короткое...

– что?

– на моих глазах убили человека.

– когда?

– вчера.

– и что ты?

– ну что я. Я ничего. Просто его убили, ты не понимаешь?

– понимаю.

Я кладу трубку и иду на кухню. На кухне слышу, как звонит телефон в гостиной. Достаяю картошку, которая лежит сваренная со вчерашнего дня. Беру большую из двух и, начинаю чистить руками. Все нормально вроде, только видна черная дырочка прямо посередине. Вычищаю ее ножом и вижу мерзкое зрелище. Внутри картошки не просто грязь. Внутри черной точки застряла почерневшая оса. Все оставляю на месте и беру из холодильника йогурт. Телефон в гостиной надрывается. Беру трубку, это сестра:

– ну почему ты не берешь трубку! Почему?

– я только что с кухни.

– я знаю, оттуда телефон прекрасно слышно!

– ну и что теперь мне сделать.

– расскажи что произошло. Что вчера случилось.

– в кино, ночью зрителей взяли в заложники и решили ограбить.

– и тебя?

– да-да.

- ты в порядке?
- ну, у меня ничего с собой не было. Так что...
- как он умер?
- его пристрелили, когда он хотел сбежать.
- господи...

Я кладу трубку и выключаю телефон. Включаю телевизор и давлюсь йогуртом. Он жутко приторный.

Мне приходят письма.

Я не знаю, кто их мне пишет. Я только знаю примерный возраст этого человека, а еще знаю, что это один из моих знакомых. Уже полгода как я их получаю, но не могу никого вычислить.

Этот человек рассказывает мне о своих мыслях и ощущениях. О своих сумасшедших мечтах и о страхах.

Сегодня мне опять пришло его письмо. Всё на конверте указывает, что он живет в моем городе. Не указано только имя и адрес отправителя. С волнением вскрываю конверт и нахожу сложенный лист, исписанный корявым, летящим почерком. Начинаю читать:

«И снова. Это я. Я так боюсь и почти уверен, что ты выкидываешь мои письма. Я боюсь, что надоел тебе. Еще больше боюсь, что ты читаешь это письмо вслух своим друзьям, и вы вместе смеетесь надо мной. Но ладно, все равно ты никогда не узнаешь кто я.» – это вступление. С него начинаются все эти письма.

«Сегодня мне приснилось, что я плаваю в грязной реке. Я понимаю, что она испачкан черными чернилами. Вокруг меня плавают черные сомы, я пытаюсь отплыть от него и прогнать, но он совсем меня не боится. Когда он, проплывая, касался моих ног, я чувствовал, как моя кожа в том месте начинает надуваться пузырями. Они заполнялись грязью и гнилью. Я приплыл к берегу. Он сразу начинался с яркой зеленой травы. Я пытался ступить на берег и тут понял, что превратился в сома. Я скользкий и грязный. Когда пытаюсь залезть на берег я скатываюсь вниз в грязную воду.»

На этом моменте до меня доходит, что до сих пор стою на лестничной площадке. Уже в квартире продолжаю читать.

«Не так давно я смотрел фильм о смерти. Этот фильм документальный и не просто ужастик. Там показывались кадры смертей людей на электрическом стуле. А также съемки в морге. Трупы людей после удушья, аварий, выстрелов в голову, остановок сердца. Знаешь, хочу увидеть, как кто-то умирает...» – откладываю письмо, мне становится не по себе, и иду за минералкой. На столе еще лежит вчерашняя картошка с дохлой осой. Беру всю тарелку с этой дрянью и кидаю в мусорное ведро. На столе лежит вторая картошка. Что была сварена в паре с той. Она в порядке, но неприятный осадок остался. Не думаю, что буду есть, но все же оставляю на столе. Желудок пуст второй день, последнее, что в нем было, это те кальмары. Видит бог, когда попадутся мне кальмары, начну думать о трупах... «знаешь, я хочу увидеть, как кто-то умирает...»

Да уж, был бы ты в том кино.

Я одеваюсь и иду в магазин на первом этаже моего дома. Когда я спускаюсь вниз по порожкам, у меня забурчал живот. Еще бы не хватало, что он забурчал, пока буду стоять в очереди на кассе.

Собираюсь купить что-нибудь, что не нужно варить-чистить-резать-жарить-парить. Куплю лапшу быстрого приготовления и хлопья с молоком. Ну да, и еще минералку. Хватаю все что нужно, кидаю в тележку и еду к кассе. Передо мной старушенция и мужик с розовой сумкой. Уж чья эта сумка, интересно, женщины рядом с ним нет.

На лестничной площадке, прямо под моим ящиком валяется моя газета и квитанция за свет. Все это добро основательно скомкано, но, слава богу, не порвано. Это только под моим ящиком. У других сквозь отверстия просвечиваются газеты, как и положено. Кто это мог сделать, если положили газеты максимум полчаса назад. Уж точно не почтальон. Весьма странно. Но ладно, я беру все это, пытаюсь сложить в приличное состояние и кладу в пакет с покупками.

Дома, ем и параллельно смотрю телевизор. Звонок. Иду за телефоном в прихожую. Это из полиции, просят прийти завтра и официально стать свидетелем. Прийти нужно утром, с паспортом и подробными воспоминаниями о произошедшем.

Возвращаюсь к еде. Я точно ни куда завтра не пойду. Просто не хочу. Нужно было смотреть отсюда сразу. А сейчас они еще и адрес с номером моим знают. Плевать, все равно никуда не пойду.

Начинаю дочитывать письмо.

«Знаешь, я хочу увидеть, как кто-то умирает. Конечно, не собираюсь никого убивать, но было бы интересно стать свидетелем этих событий. Я много читал про то, как становятся серийными убийцами. Конечно, есть те, у кого с детства мозги повернуты на жестокости. А я имею в виду тех, кто становятся случайными свидетелями чужой смерти, и открывают для себя то, о чем не подозревали. Когда они видят чужую смерть, они начинают испытывать наслаждение...» – так, здесь нужен передых. Бывают же такие письма, которые невозможно прочесть за один раз.

«И я не могу понять, почему именно. Нигде не толком не объяснено почему. Убийцы сами не понимают этого. Думаю дело не просто в том, чтобы видеть чьи-то страдания, а в чем-то другом. Я хочу понять в чем.»

На этом письмо заканчивалось. Скажу я одно, это самое странное письмо от этого человека.

Леденцы

Сегодня в минуту, когда мне нужно было быть в полиции. Я выхожу из квартиры с желанием выкинуть мусор. С пакетом в руке выхожу и чуть не падаю. Под ноги мне попала странная банка. Кладу мусорный пакет на пол и поднимаю банку. Она явно оставлена специально для меня, так как стояла впритык к моей двери. В банке лежало что-то темное, как компот из мелких сухофруктов. На белой крышке, скотчем была приклеена бумажка, с синей надписью. Надпись была сделана толи фломастером, толи маркером, и состояла из трех слов – «Это твоя душа». Никак не могу понять, что это значит, рассматриваю содержимое банки, не открывая. И тут до меня доходит, там тараканы.

Тысяча и один таракан залиты водой и оставлены мне в подарок в этой банке.

На смену удивлению приходит вопрос, куда мне деть эту банку. Открывать и выливать содержимое в собственный унитаз не хотелось, а выкидывать в мусорный люк банку с таким компотом не очень-то.

Ставлю банку на место и выбрасываю свой пакет в люк. Захожу в квартиру и ищу пакет для банки. Выкину ее на помойку что за моим домом. Не могу понять, кому это было нужно, собирать их, приносить мне, да еще дурацкую записку клеить. Вспомнились вчерашние газеты. Похоже, это один человек меня невзлюбил. Не понимаю, за что. Я ни с кем не общаюсь. Да вообще соседей не знаю, а это ведь кто-то из них. Ну, мне так казалось.

На улице внезапная жара. Пару дней назад лето казалось осенью, а сейчас, как и положено – жуткая жарница. В моей рубашке мне стало душно. Прохожие расхаживали в майках и шортах. Руки начали потеть, и пришлось ускорить шаг.

После, перед входом в мой подъезд, меня застало зрелище, которое меня почему-то удивило. Дети играли в мяч, отбивая его о бордюр. Это ввело меня в ступор. Ведь вчера считай, была осень. Да и картина эта странна тем, что из-за нее на меня нахлынули воспоминания детства. По цепочкам память и ассоциации привели меня к странной мысли.

Когда-то давно, жарким-жарким летом мне подарили жука. В банке до жути похожей на ту, что мне подсунули под дверь. Этот жук был красив. Коричневый, золотистый как мед. Мы называли его Карамелькой.

Мой ступор закончился, когда меня окликнули по имени. Мимо меня проходила Оля. Она шла из больницы, сегодня ее отпустили пораньше. Поинтересовалась как моя нога и почему я так здесь стою:

– да так, просто вспомнилось кое-что.

– а... сегодня страшно жарко, правда?

– да, и на мне одежда не по погоде...

– ты знаешь, что нужно было сегодня прийти в участок?

– да. Меня там не было.

– а почему? Я там была кстати.

– не знаю, я не хочу туда идти. А что там было-то?

– ну... нас по очереди спрашивали обо всем. Все эти детали. Подписи. Мутное дело если честно.

– как думаешь, меня больше звать не будут?

– не думаю, они и так много кого опросили.

– они найдут их?

– нет. Мне так кажется.

– не понимаю, что им нужно было там?

– я слышала что их поделники своровали деньги из банка, и оставили их часть где-то в здании кинотеатра, спрятанной. А когда они пришли за деньгами, их или кто-то забрал до них, или их там и не было.

Через минуту разговора мы попросились.

Повезло, что квартира осталась прохладной даже в такую жару. Не дай бог, если бы у меня был кот, от котиков пух по всей квартире. Не хватало бы такого сейчас.

Раздался звонок телефона. Это моя сестра. Она уже надоела, каждый день мне звонить... не люблю я ее если честно. Иногда мне кажется, что она человек не из моей жизни. Она словно не родная мне.

– алло.

– ты почему так долго! Я волнуюсь! Как ты!

– могу обрадовать. Сегодня нужно было пойти в полицию, а я дома сижу... А еще у меня под дверью банка полная тараканов. Была.

– откуда она взялась?

– кто-то подбросил.

– и где она сейчас?

– на помойке.

– а что там про полицию?..

– уже ничего. Ну все?..

– нет подожди. Если хочешь, я могу приехать.

– только тебя мне не хватало. Не смей.

– ну ладно-ладно.

– пока.

Проходя мимо прихожей, в которой висело зеркало, мне пришлось остановиться. Мое сердце замерло, когда в зеркале из моих глаз текла кровь, а нос будто сгнил, на месте его виднелась дыра. Со страху закрываю лицо руками, когда снова перевожу взгляд на зеркало, отражение стало привычным.

Сегодня мне снова пришло письмо от этого странного человека. Привычное вступление, с которого начинаются эти письма, а затем...

«Может ты мне не поверишь, но сам того не ожидая, я оказался в нужном месте в нужный час, и мое желание исполнилось. Ты скажешь, я сумасшедший, вообще-то часто мне кажется, что так и есть. В такие моменты нельзя радоваться, это многие назовут грехом, и я согласен с ними. На моих глазах убили человека. Я конечно не рад, что умер именно он, дело в том что, наконец, я смог узнать это чувство. Когда смерть приходит прямо перед твоими глазами. Ты чувствуешь ее всем нутром, будто сам сейчас умрешь. Это тьма, окутывающая все вокруг, это конец. Тебе интересно как это произошло? Это произошло в кинотеатре...». – Что? Как!

Неужели он говорит про тот самый кинотеатр? Господи, неужели этот человек был у меня под носом, а я даже... а может быть, он следил за мной?..

«Это произошло в кинотеатре, ночью. Ты знаешь, в некоторых кинотеатрах показывают фильм всю ночь по одному билету. И вот, внезапно выключается свет и в зал входят преступники... Ну, все рассказывать тебе я не хочу, но суть в том, что один парень хотел уйти, и его пристрелили. Ну а все остальные в порядке. Ты скажешь, что я циничная тварь. Нет. Я не тварь, в этом просто есть какой-то научный, скорее всего, интерес.» – вот так новость.

Точно, именно тот кинотеатр. За мной кто-то следит. Ну, кто он? Кто он из тех людей, что были в зале? И если он там был, он видел меня, конечно видел. И если он пришел туда из-за меня, то зачем? Так, он меня видел там, и все равно написал это письмо, чтобы дать мне знать об этом.

Что-то эта история совсем перестает быть веселой.

Мне нужно было что-то поесть, но холодильник оказался пуст. Пришлось идти в магазин. Полки, полки, полки, бесконечные ряды продуктов. Беру пачку чипсов и сквозь дыру, образовавшуюся там, вижу Олю. Она стояла и выбирала сахар, взяла пачку и поехала дальше. Меня она не заметила, и мне показалось, что не стоит подходить к ней и здороваться. Может и зря я так, но не хочу лезть к людям.

Уже собираюсь выходить из магазина, как разливается чье-то молоко, рукавом цепляюсь за решетку витрины, поскользывается и падаю башкой о самый угол стола напротив. Все внимание магазина переходит на меня, люди обернулись посмотреть, что же там происходит. Не успеваю опомниться, как ко мне тут же подлетает Оля.

– господи, ты опять падаешь на моих глазах. Да у тебя кровь. Поднимайся, – она подхватывает меня за руку, голова у меня немного кружится.

– пакет... – говорю я и тянусь за сумкой с покупками. Она выхватывает у меня его из рук и несет сама. Мы идем к ее машине.

Когда ехали, она сказала, хочет чтоб мы зашли к ней, она проверит, нет ли у меня сотрясения и тому подобного.

Живет одна, в квартире у нее прохладно и светло. Вместо дверей у нее шторы или камушки на нитках, не считая конечно, ванной и туалета.

Голова у меня жутко кружилась и ноги слегка подкашивало. Оля положила мои продукты к себе в холодильник и сказала, что я потом их заберу. Отвела меня в гостиную и посадила на диван. Она посмотрела мою ссадину на лбу и прикрепила к ней вату с бинтом. Дала мне таблетки от боли головы, и говорит, нужно несколько дней их попить. Говорит, что не отпустит меня сразу, только через час, пока голова не перестанет кружиться.

В гостиной у нее был большой балкон, дверь которого была открыта, а также большой аквариум с цветными рыбками. Она стала расспрашивать меня обо всем. О том с кем живу, хороший или плохой у меня аттестат за одиннадцатый класс, почему не учусь в институте, почему не работаю, о том, что мне нравится. О сестре. Она, оказывается, знает ее, вместе ходили в музыкальную школу. Потом она включила телевизор, и мы перестали говорить. Позже принесла чай и печенье. Снова немного поговорили.

В комнату ворвался утренний ветер. За окном пели птицы, и все было так очаровательно. Справа от дивана у нее стояло небольшое деревцо с белыми цветами. Прозрачные шторы немного плясали под ветер, и почти все в этом доме было таким спокойным и лечащим. Мне не хотелось от нее уходить, но еще больше не хотелось беспокоить ее своим присутствием.

Убедив ее отпустить меня домой, я забираю свой пакет и ухожу. Около двери меня снова ждет сюрприз. Точнее на двери. Красной гуашью на ней было написано – «сожги себя». Эти сюрпризы мне надоели, но я не хочу идти в полицию и сообщать о том, как кто-то пытается меня выжить отсюда. Ведь мне нужно было дать те, чертовы, показания. Да и дело не только в этом, терпеть не могу эти «государственные учреждения». Да и я не знаю, можно ли написать заявление несовершенно летнему, можно ли мне жить без родителей...

На следующий день с моей головой все было в порядке и мне захотелось прогуляться к речке. Не далеко от моего дома был красивый берег реки. До самой воды были цветы. Это поле диких цветов, они немного похожи на сорняки, может они ими и были, но мне это нравилось. Люблю такие растения. Высокая, сероватая трава, тонкий стебель растения и сверху посыпано мелкими белыми цветочками.

Еще со вчерашнего дня в городе спала жара. И сейчас на берегу ветер даже прохладный. Уже никто не загорает, лишь некоторые пришли сюда с детьми на пикник. Если подойти к воде и опустить туда руку можно заметить что она теплая. Раньше здесь были и лягушки и какие-то водяные крысы. А сейчас остались небольшие рыбки и сомы на самом глубоком месте реки. Прямо после этого небольшого поля, был огромный дом. Он высотой в одиннадцать этажей и в нем десять подъездов. Обходить его долго, поэтому в нем проходят три большие арки.

Тот, кто хочет пройти к реке, проходит сквозь этот дом, проходит дорогу и сразу оказывается на берегу. Летом, пожилые люди, утром выходят сюда на зарядку и поплавать. Некоторые проводят здесь целый день. А почему бы и нет, особенно если ты живешь в том большом доме, и у тебя выходные или ты уже не работаешь.

Вода заманчиво сверкала и хотела, чтобы в ней поплавали. Сдуру захотелось зайти в воду. По счастливой случайности у меня с собой было полотенце еще с прошлого раза в рюкзаке. Сняв майку и шорты, оставив это в сумке на берегу, захожу по колено в воду. Она достаточно теплая, прохожу еще дальше. Вода здесь темнее, уже не видно дна. Меня испугал внезапный звук музыки, доносящийся из машины. Это какой-то шансон, группа людей приехала, наверное, на шашлыки. Рассматриваю воду еще раз, решаюсь поплыть. Закрываю глаза и ныряю. Проплываю метров пять и выныриваю подышать. Оборачиваюсь к берегу и вижу, что все люди куда-то ушли. Не предаю этому значения и ныряю, плыву параллельно берегу, выныриваю, и все люди снова на месте. Из машины гремит музыка, дети играют в бадминтон. Это меня пугает, но решаюсь снова нырнуть. Плыву под водой к берегу, выныриваю и, людей нет! Скорее ныряю и обратно к воздуху, и, все как было с самого начала. Плыву, по-собачьи, чтобы не упустить картинку из вида. Скорее выхожу из воды и бегом к своим вещам. Вытираюсь, одеваю вещи и еще пару минут сижу. От страха не могу уйти и думаю, что это было. Почему люди исчезли. Почему они снова появились. Кто-то это уже видел? Кто-то так уже делал? Неужели никто об этом не знает. А может это только мои глюки. И ничего этого и не было?

От страха у меня начался ступор и не могу, никуда, сдвинуться с места. Пришел навязчивый страх, что все люди сейчас вот встанут и уйдут. И все будет, как только что. Какой-то параллельный мир. Где в это время никого нет на речке. И может вообще, никого нет. И ничего там нет.

Резко поднимаюсь и уверенным шагом иду в магазин, что прямо рядом с берегом. Там есть аптека, точно, вчера же у меня голова кружилась после падения. Покупаю те таблетки, которые мне дала Оля.

Покупаю то, что нужно и прямо в аптеке глотаю из пачки две штуки. Захожу в продуктовый, его дверь напротив аптечной. Все отделы в нем разделены, у всех своя касса и соответственно очередь. Какой-то алкоголик ругался с продавщицей и замахнулся ее ударить. Мужчина, стоявший позади него, поймал его руку и тем самым не дал ему этого сделать. Она кричала и звала охранника, его нигде не было и они продолжили ругаться матом. Люди, стоявшие в очереди стали жаловаться на происходящее и грозились вызвать полицию. Алкоголика начали обзывать стоявшие в очереди, и советовали ему найти работу, а не ругаться с продавщицей.

Как назло, мне нужно было стать в ту самую очередь. И вот, уже стою, все кричат на мужика «алкаш», «уходи уже», «полиция едет» и тому подобное. И тут он все-таки уходит и, проходя мимо странно на меня посмотрел и остановился. Говорит людям, стоявшим в очереди, а глядит прямо на меня:

– алкаш, алкаш... а тут наркоманы среди бело дня ходят, – я понимаю, говорит он это мне, но не понимаю почему.

– чего? – спрашиваю я недовольно.

– да у тебя зрачки по пять копеек, – говорит он мне и уходит.

Внимание людей приковывается ко мне. Вспыхиваю и ухожу из очереди. Уже на выходе встречаю медленно уходящего алкаша, и, разбегаясь, толкаю его со спины, он падает, я убегаю.

Уже дома в прихожей смотрю на свое отражение и отмечаю, что алкаш не соврал. Глаза кажутся не коричневыми, как им положено быть, а черными. Убедив себя в том что это эффект от лекарства, иду смотреть телевизор. Как тут же вспоминаю, после плавания в речке нужно искупаться.

В ванной, вытираюсь и тут замечаю что-то странное на своей руке. Тру полотенцем, но это будто бы и не грязь. Это большая родинка, но у меня сроду ее не было. На внутренней стороне руки, почти черная, диаметром около сантиметра.

Боже, что за чушь творится со мной в последнее время. Оставляю руку в покое и иду в гостиную. По телевизору шел сериал для стариков, после него будут новости. Включаю другой канал. То же самое. По телевизору ничего хорошего мне найти не удалось. Иду спать.

Мне снится, что я в воде, плыву к тому самому берегу. Ухожу от него, иду по улицам, и нигде нет людей. Возвращаюсь к берегу и вижу что на траве, прямо над водой сидит девочка. Подхожу к ней и сажусь рядом, спрашиваю, что это за место. Она говорит, что это Дом. Я спрашиваю, какой такой дом и почему я здесь. Она медленно поворачивается на меня и говорит:
– для таких, как мы с вами, – а глаза у нее черные. Полностью, от века до века.

Утром, в одних тапочках я спускаюсь только чтобы забрать письмо. Но его нет, зато под дверью снова сюрприз. Дверь еще не успела отдохнуть от той надписи гуашью, как на ней новая. «#10» – вот что там написано, белым мелом, и с большой старательностью. Стираю надпись ладонью.

На улице ветрено, но еще тепло. Какие-то дети собирают цветы около моего подъезда. Захожу в магазин, что в моем доме, не снимая очки, направляюсь к нужным полкам. Беру, что нужно и иду к кассе. Благополучно возвращаюсь к подъезду и останавливаюсь покурить. Не помню, когда это было в последний раз...

– ты разве куришь?

– ага. Привет же... – это Оля проходила через мой двор домой, – как дела?

– нормально. А у тебя? И почему ты в очках, сейчас не слишком-то солнечно.

– да так...

– неужто фонарь?

– да я даже не знаю что это, – снимаю очки, – со вчерашнего дня зрачки огромные, ужас.

– ого... а почему так? – надеваю обратно.

– я не знаю, просто... это не может быть от тех таблеток, которые ты мне посоветовала?

– нет-нет! Они ничего такого не вызывают.

– черт. А ты откуда и куда?

– я в магазин хотела зайти.

– а понятно...

– м...

– сколько тебе лет? – внезапно даже для себя спрашиваю я.

– о, двадцать два скоро, а что так?

– просто стало интересно, насколько ты старше меня... значит на четыре года всего... мне скоро восемнадцать будет.

– когда?

– в сентябре. А твой день рожденья когда?

– в августе.

– лев? Ну, по гороскопу...

– ага. Ну, я пойду в магазин тогда.

– ага, мне тоже нужно все в холодильник положить...

На этой бытовой ноте мы расходимся. Хотя не расходимся...

– постой, – останавливает она меня за руку, прямо, когда я открываю дверь подъезда.

– что такое?

– я хотела поговорить с тобой, не решалась никак. Нужно, сейчас.

– а о чем? – не понимаю я.

– я расскажу о чем, но лучше у меня говорить, разговор будет долгим.

– м... ну подожди меня минутку... ладно? – меня удивляет ее внезапный интерес ко мне.

– да-да, – говорит Оля, а я бегу вверх по порожкам. Она осталась ждать меня около подъезда и через минуту мы уже шли к ней.

По дороге она молчала, даже когда поднимались по порожкам на ее второй этаж. Она молча открыла дверь и закрыла ее за нами, бросила мне, что как сниму обувь, нужно зайти в зал и сесть на диван. Махом сняла сланцы и пошла на кухню босиком.

В аквариуме у нее появилась крупная, синяя рыбка. Она заметно выделялась на фоне других. А еще под потолком появился китайский фонарик.

Через минут пять, Оля вернулась с подносом, и двумя большими кружками с зеленым чаем. И два куска лимонного торта. К чему эта щедрость? Я уже начинаю пугаться, видимо что-то не так.

– так... о чем же ты хотела поговорить? – неуверенно начинаю я.

– ну... – говорит она и указывает мне на кружку и торт. Мол, бери-бери, – только выпей все, хорошо?

– ладно, – я залпом допиваю чай и ставлю кружку на стол. Она заметила странную родинку у меня на запястье и, взяв без моего разрешения руку, начала ее разглядывать, что слегка меня удивило.

– странно, – говорит она, – могу поклясться, что ее у тебя не было.

– не было, ты права, – ее брови поднялись вверх.

– тогда что это? Татуировка такая?

– нет, не знаю что это. Просто появилось и все, – я тяну руку к себе, она руку отпускает, и странно посмотрев на меня, берет свою кружку.

– торт ешь, – говорит она мне, – как там твоя сестра? Интересно, мы часто гуляли в детстве.

– ну ладно, – говорю я и беру торт, – а с чего ты про все это вспомнила?

– да так. Просто с тобой встретила. Вот и нахлынули воспоминания.

– понятно тогда.

– ты не обижайся на меня, если что, ладно?

– зачем мне обижаться... – и на этом моменте у меня начала кружиться голова, – черт...

– что такое? – с улыбкой спрашивает она.

– голова кружится. Сильно же...

– наверное, глюкозы мало было в тебе, а тут столько сахара. Организм не привык еще.

– и что за бред это?

– не бред вовсе. Доешь все что осталось и голова пройдет, – понимая, что это бред, все равно глотаю остатки торта, что у меня в руках.

– молодец, – говорит она и быстренько уносит поднос на кухню.

Тут до меня доходит, что она что-то подмешала мне в чай или торт. Так значит, она не поговорить со мной хотела. Что же ей нужно...

Голова раскалывается, а спать так и тянет. Она приходит и садится на диван рядом, понимает, что я вот-вот сдамся и все-таки усну, и пялится на меня.

Она молчит и продолжает просто смотреть.

...

Мне приснился сон, который был очень ярким, снова на том берегу разговариваю с девочкой. Она рассказала, что в это что-то вроде загробного мира. Но так, как я еще «живая душа», то здесь случайно. И мне нужно уйти отсюда или меня съест какой-нибудь дух живущий здесь. Она тоже умерла, но уже давно, сидит на этом берегу и встречает новых духов. Почему я здесь, она мне ответить не смогла.

Меня разбудила Оля, трясая за плечи. Мои руки и ноги были связаны. Шея болела, так как голова неудобно свисала с дивана. Была глубокая ночь, но шторы не были завешаны. В доме напротив уже ни у кого не горели огни.

– хорошее же снотворное, – пробормотала она и потянула меня за плечи, пытаясь придать мне сидящий вид, видимо развязывать она меня не собиралась.

– зачем... – еще не придя в себя, спрашиваю я.

– я ненавижу тебя, – спокойно и коротко ответила она, отведя глаза в сторону выключенного телевизора.

– почему... вы все меня ненавидите... – мямлю еле ворочающимся языком я.

– не знаю, почему там кто-то что-то, а я тебя ненавижу вполне серьезно. А то, что ненавишь, нужно убирать, – говорит она и показывает мне нож.

Он сверкнул в ее руках, и тут же оказался в моем животе...

Боль была настолько сильной, что невозможно было закричать. Кровь, большим пятном расплылась по одежде и спустилась на диван. Нож торчал прямо под ребрами, ударила она специально высоко. Было страшно и больно сделать вдох, потому что казалось, будто нож разрежет внутренности еще больше.

Оля стояла и смотрела, как я медленно умираю и, наверное, наслаждалась этим зрелищем.

В тот момент, когда мне показалось что все кончено, тело мое словно прошло сквозь диван и пол, провалилось сквозь землю, и было это так быстро и странно, что оказавшись на берегу реки из моих снов, не только я, но и не кто бы другой и не понял что умер...

Нож куда-то исчез, и пятна крови тоже. Вокруг был сильный ветер, и девочка, опять сидевшая на том самом месте, даже не заметила меня.

Словно сон все это время не кончался.

Она случайно обернулась и удивилась, увидев меня. Она подбежала и спросила меня:

– что вы здесь делаете, – она была немного напугана, и своим видом давала знать, что сейчас не то время.

– я не знаю, но мне кажется, что меня убили...

– только не сейчас, – перебила она меня, – еще рано! Еще десять дней.

– какие десять дней, – не понимаю, но в голове у меня проносится изображение меловой десятки на двери.

– я узнала, что вы все равно бы пришли к нам, но ровно через десять дней, вы не должны были умирать сейчас.

– меня бы убили через десять дней? – пугаюсь я, неужели мне все равно было и не жить?

– это нехорошо, теперь это очень нехорошо... – не отвечает мне она.

Ее заглушил внезапный рев ветра, воздух откуда-то с юга потемнел и закружился в горизонтальной воронке, бегущей прямо на нас. Когда воронка снова стала прозрачной, стало видно, что внутри нее был поезд, он несется на нас, и прятал себя в воздухе что кружился вокруг него. Девочка подала мне знак отойти подальше, поезд остановился прямо перед нами, то есть прямо над водой. И тут из поезда начали выходить странные существа, только выйдя из вагона, они бросались в воду и тут же исчезали.

Они были странных форм и разных цветов, в невероятной одежде и передвигались самыми невероятными способами. Несколько существ были на ножках как у старинного циркуля, и, вычерчивая круги, плавно заходили в воду. У одного была только большая голова, висящая в воздухе, а под головой, опять-таки висела в воздухе и жужжала какая-то мочалка, из нее выходил пар, который и удерживал голову в равновесии.

Когда все существа покинули поезд, из главного вагона вышел машинист и помахал нам рукой чтобы мы зашли. Девочка взяла меня за руку, и мы пошли к вагону. Машинист выглядел как обычный человек в маске из бумаги, внутри поезд был тоже совершенно обычным.

Мы сели на места друг напротив друга, машинист сказал, что скоро мы поедem, показал на ремни безопасности, которые были на сиденье. Они выглядели не как в обычных машинах, а скорее как в психбольнице. Держали руки прямо вплотную к спинке сиденья и голову тоже держали, так, что нельзя было повернуть ею. Девочка сказала, что сейчас я пойму, почему так, и тоже застегнула ремни.

Поезд рванул в одно мгновение, было не разобрать что в окне, так он быстро ехал. Если бы не ремни, то мы бы просто превратились в лепешку, улетев в дальний угол поезда.

Через пару секунд поезд резко затормозил. От такого мозги могут выпрыгнуть, и поэтому у меня сильно кружилась голова, когда мы вышли из поезда. Как только мы вышли, он поехал дальше и в мгновение ока исчез из виду.

Перед нами было огромное черное здание, оно словно было покрыто лаком и состояло из множества черных кирпичей. В нем были редкие белые окошки, и внизу, прямо перед нами была маленькая белая дверь. Кирпичи, чем выше они были, тем были реже, и просто висели в воздухе, не касаясь друг друга. Казалось, что кто-то размыл верхушку этого здания, издали оно плавно переходило в небо.

Около двери была маленькая кнопка звонка, девочка нажала на нее и дверь со скрипом открылась сама. Внутри был огромный потолок, который невозможно было разглядеть, так как он уходил в темноту, пол был покрыт цементом, окон внутри, по-видимому, и не было совсем, пусто вокруг как в цементном коробке. Девочка нашла на стене выключатель и включила свет. И сразу показалась куча окон самых разных размеров. И лестницы с площадками к этим окнам. Мы залезли к самому большому.

Пейзаж за окном, был совсем не таким, как до входа в это здание. Появился очень густой, белый туман, из тумана были видны верхушки огромных одуванчиков, некоторые были пушистыми и белыми, некоторые еще желтые.

Рядом с рамой окна, справа от нас нашлась еще одна, не сразу заметная дверь. У девочки был ключ, и мы вошли. В пустой комнате был лишь маленький сейф и окно. Тем же ключом она открыла его и нашла пустой лист. Она заверила, что мне нужно написать на нем свое имя десять раз. Сказала, это потому, что я здесь раньше положенного, и мне нужны еще десять дней жизни.

Я в это не совсем верю, ничего не понимаю. Но делать нечего. Пишу имя.

Когда на бумаге было написано то, что нужно, девочка попросила меня выглянуть в окно. На мое удивление пейзаж был привычным для меня, это мой двор, крыша моего подъезда, знакомый дом напротив.

Оглядываюсь в комнату, а это моя гостиная. Выбегаю из нее, моя прихожая! Выхожу из квартиры, моя лестничная клетка! Выхожу из дома, мой двор...

Гляжу на часы, а это утро того дня когда Оля пригласила меня к себе на разговор.

Прощанье

У меня появился страх, что если я зайду к себе домой, то опять окажусь в том мире. Мне подумалось, что нужно дождаться Олю и всё сделать по-другому. Может поговорить с ней у себя дома? Нет, она может и там на меня с ножом кинутся. Может на улице? Да, во дворе прямо перед домом, где ходит много народу и всегда шумно, нас никто не услышит, да и убить она меня не сможет.

Достаю сигареты и вижу, знакомые дети вышли за цветами, значит, Оля появится скоро. Через пару минут ожидания, вижу Олю, тут я понимаю, что шла она ко мне специально, просто тогда мне не было этого видно. А сейчас, я вижу ее, а она меня нет. Вижу, как она подходит к моему подъезду и смотрит вверх на окна. Замечаю, в это время детей около подъезда нет. Она осматривается вокруг, собирается открыть дверь подъезда, как я ее окликаю.

Она видит, что я сижу напротив, еще недавно спиной к ней, по тому-то она меня не заметила, и может, догадывается о том, что мне ясны все ее махинации. Как она смотрела, нет ли никого поблизости, кто бы мог сказать, что она была тут. Значит, в тот раз никто и не видел, как мы ушли вместе...

С удивлением подходит ко мне, и мастерски переводит свое удивление, на мои сигареты...

– Оля. Что же ты здесь делаешь, – спрашиваю я немного хитро. На секунду она замялась, чтоб придумать объяснение. А потом выдала.

– я хотела зайти к тебе, – без доли смущения говорит.

– а откуда ты знаешь, в какой квартире я живу, – и опять она на секунду сделала вид, словно ее поймали на воровстве.

– мы же все говорили это полиции в прошлый раз, помнишь? Я случайно услышала, а потом еще подвозила тебя...

– а зачем зайти-то хотела, – со вздохом спрашиваю я.

– хотела сказать, что... забыла кое-что сказать про те таблетки. Помнишь, которые я советовала, – заглядывает в мои глаза, – уже вижу, что не так выпиты.

– как не так? – пугаюсь я.

– их нужно запивать большим количеством воды и строго по инструкции, не больше одной за раз.

– а то что? – уже сильнее пугаюсь я.

– вот, например, сильное она дает воздействие на нервную систему, зрачки расширяются, и остаются такими на пару дней, если есть какая-то особенность организма, даже галлюцинации бывают.

– нифига себе, – в голову ко мне закрадываются странные мысли, – подожди-ка, ты мне одну у себя давала, ну а я потом сразу две... и без воды.

– боже мой. У тебя, наверное, глюки были, – печально спрашивает она.

– может и глюки, – еще печальней говорю я.

На этом моменте я сильно расстраиваюсь. Вроде бы все и хорошо. Никто не умирал, и я через десять дней не умру. Ну и что же тогда? Как-то всё не так. И потом, в реке, когда мне почудилось, что люди исчезли, таблетки то, даже не были куплены. Но все равно, получается, что все это был один большущий глюк. И ничего больше?

– чего расстраиваешься? – с улыбкой спрашивает она и садится поближе.

– Оля, – спрашиваю я, – тебе сколько лет?

– двадцать два, а что такое, старуха, я, да? – смеется Оля.

– у тебя вот, рыбки есть, а новых там... нет? Синей, например?

– у меня всегда была большая одна рыба, синяя. Откуда ты знаешь? – смущенно спрашивает она.

– вот и дела, – только и говорю я.

– так у тебя были галлюцинации... господи прости... и кстати. Лучше тебе очки одеть.

– да знаю, знаю, – в общем, разочарованию моему предела нет.

Все оказывается так банально, галлюцинации и только...

– знаешь, говорит она, а пошли ко мне, у меня есть, по-моему, что-то от таких зрачков.

А то, зачем тебе в очках то ходить.

Тут понимаю, история, похоже, повторяется, Оля хочет под любым предлогом остаться без лишних глаз. Но, я назло всему случившемуся, по своей воле наступаю на те же грабли и иду к ней.

Мы опять молча идем, молча она открывает мне дверь и запускает в квартиру. Босиком идет прямо на кухню и говорит, что мне нужно пойти в гостиную. В аквариуме, та же синяя рыба. Тот же китайский фонарик и тот же легкий ветерок. Это даже не дэжавю, это как заново проходить уровень в игре, и когда знаешь что, да как.

Меня добил момент, когда она принесла торт с зеленым чаем. Я поднимаюсь и прямо так спрашиваю:

– почему ты меня ненавидишь, – на одном выдохе говорю я. Она остолбенела на одну секунду, кажется, даже испугалась, а потом рассмеялась, и говорит:

– что? Я не могу тебя ненавидеть, что за бред.

– просто знаю это, – говорю я и сажусь обратно.

– нет, это глупости, просто это нервы, наверное, от лекарств. Я не могу тебя ненавидеть, хотя бы, потому что я тебя плохо знаю, – последнее она произносит как-бы сама себе, и немного странно, как мне показалось.

– не буду, есть мне нельзя. Сыпь будет, – нагло вру я.

– о... – она сделала вид, словно провалила экзамен на лучшую хозяйку.

– не могу, – отрезаю я.

– ну, хотя бы чай выпьешь? – с надеждой спрашивает Оля.

– нет. Лучше дай мне таблетки, или что ты там говорила, и я больше не буду тебе мешать.

– ну, нет, – заявила она, – я не отпущу тебя, если ты хотя бы чай со мной не попьешь.

– зачем?

– ну, скучно мне, – отмахивается она, – а ты мне всегда попадаешься, почему бы не поболтать?

– если только просто поболтать. Никакой еды, – говорю я.

– ладно, – соглашается она.

– так и... могла бы не приходиться ко мне, всё равно бы, всё прошло...

– секунду, – говорит она и встает, – я дверь закрою, – она пошла к коридору и мне стало не по себе, словно знаю, что сейчас будет. Что-то ужасное. Она возвращается и садится на место рядом со мной.

– я говорю. Не надо было приходиться, всё было бы хорошо.

– ну, нет вообще-то. Ничего бы не прошло.

– почему... – пугаюсь я.

– потому что ничего и нет. Я не знаю что это. Может, ты наркотики просто принимаешь.

Откуда мне знать.

– что ты несешь! Ты сама мне сказала...

– мало ли, – перебивает она меня, – много я говорю, а ты всему веришь.

– что это значит, – в тот же момент до меня доходит, что нужно бежать от нее, и бежать скорее. Но, она закрыла дверь...

– это значит то, что ты отсюда не выйдешь.

Я поднимаюсь и иду в прихожую, дергаю дверь, она закрыта, смотрю на замок, он только для ключа.

– эй! Иди сюда! – кричу я Оле из прихожей. Она выходит из комнаты и, опираясь одним плечом о дверной проем смотрит на меня.

– я дверь не открою, не проси, – нагло заявляет она.

– дай ключ. Сейчас, – трясусь я ее за плечи, – ну! Где ключ!

– отстань, – спокойно говорит она и убирает мои руки, – я не выпущу тебя. И всё.

– зачем тебе это нужно!?

– нужно.

Отхожу от нее и начинаю искать ключ. Смотрю по стенам прихожей, по ящикам, и везде где мог быть запасной. Но нигде нет, ясно, что она его спрятала куда-то посерьезней, но куда?

– эй, тебе не говорили, что неприлично лазить по чужим вещам? – комментирует Оля мои поиски.

– открой дверь и я перестану, – продолжаю я свои поиски.

– нет. И ты ничего не найдешь, – говорит она и уходит обратно в гостиную.

Вспоминаю, что после того как она закрыла дверь, она сразу же пошла в гостиную. Значит он у нее. Подхожу к ней, она сидит на диване и спокойно пьет чай. Говорю ей:

– он у тебя, да? Отдай.

– нет, – отвечает она и продолжает чаепитие.

Когда она тянется поставить кружку на столик, замечаю, как что-то блестит в ее заднем кармане джинс. Это точно ключ. Хватаю ее за руку и заставляю встать. Хватаю другую руку, быстро вытаскиваю, то, что было в том кармане и бегу к двери, она за мной. Еле успеваю открыть дверь, как она выхватывает ключ из рук и бежит за мной по лестнице. Выбегаю на улицу, останавливаюсь, она тоже. Мы на расстоянии пять метров смотрим друг на друга, и я говорю ей:

– не приближайся ко мне больше! Ясно? Ближе ко мне не подходи!

И я убегаю от ее подъезда, а она долго провожает меня взглядом.

Устаю бежать, присаживаюсь на лавку, что стоит во дворе недалеко от Олиного дома. Вид, который открылся моему взгляду какой-то знакомый... Точно, это же двор моей давно умершей бабушки. Бабушки троюродной, если точно, в детстве мы с сестрой постоянно тут гуляли. Старые качели на двоих, раньше они были персиковыми, а сейчас они голубые. Большие шины, в которых росли цветы, они до сих пор тут. Бабушкин дом до сих пор странного, белого цвета. Здесь всегда много упавших листьев. Летом они зеленые и свежие, полностью покрывают собой площадку для баскетбола, осенью желтые и сухие, шуршат под ногами как чипсы.

Для меня этот двор был особенным не только потому, что тут всегда было свежо и даже немного прохладно... а потому, что сколько я себя помню в детстве, между цветами, растущими в шинах как в плошке, на одной пустой шине всегда сидела маленькая девочка.

Мне всегда хотелось подойти к ней и подружиться, поиграть вместе... но мне почему-то было страшно. Дети никогда не играли около нее, некогда с ней не говорили. Она всегда смотрела куда-то вдаль со странной улыбкой.

У нее были невероятно длинные светлые волосы, и всегда одна и та же одежда... Бежевое платье с красной вышивкой наверху и длинная бежевая юбка с бусинами. Мне она казалась моей ровесницей. Но в какой-то момент она перестала туда приходить. Она просто исчезла и больше не возвращалась.

В этот прилив ностальгических эмоций, мне показалось, что если я вот обернусь, увижу те цветы, увижу ее, одиноко сидящую между них...

Оборачиваюсь и сердце мое, останавливается.

Она сидит там, считай ни куда не уходила, будто так и должно быть. В том же платье, с той же прической. Как всегда, и сейчас, моего возраста.

Она смотрит прямо в мои глаза и как тогда, загадочно и мило улыбается мне. Я делаю шаг навстречу ей, а она все смотрит на меня и точно ждет, когда я подойду к ней.

Наконец я подхожу совсем близко и могу разглядеть ее серые глаза. Она дает мне знак сесть рядом, и произносит самым необычным голосом, который только приходилось слышать: – почему только сейчас? Я ждала.

Ее голос похож на эхо или на множество голосов сведенных в один...

Она отвлекла меня от мыслей тем, что взяла мою руку с той странной родинкой. Провела по запястью холодными пальцами и выдает:

– скоро...

– кто ты?.. – в ужасе спрашиваю я.

Она улыбнулась и произнесла:

– уходите. И будьте осторожны, сейчас только вы. Видите нас... – она встала с места и, взяв мои руки, потянула меня к себе, заставляя встать, – уходите! Скорее! – она слегка толкнула меня.

– я увижу тебя снова? – не как не хочу уходить я.

– мы всегда с вами.

– но... – пытаюсь что-то сказать я, но она толкает меня и просит уходить.

На меня напала такая грусть, и захотелось уйти подальше, никогда больше ее не видеть, забыть о ней. Но. Она слишком необычная. Она слишком из того мира, того настроения, которого мне так не хватало, и так хотелось.

Не замечаю, как забредаю на берег реки. То самое страшное место, но на этот раз, как в моих снах, там нет людей. Ветер стал сильнее и прохладнее, он пытается сбить меня с ног. Может, дает мне знак уходить отсюда.

И тут я замечаю, что-то ужасное и пугающее в воздухе над водой. Как воздушные шары, в воздухе зависли стеклянные, серые массы. Они были высоко над водой, и их было около десятка. Овальные, слегка вытянутые и примерно одного размера. Внутри них что-то шевелилось, но не могу разглядеть что. Почему-то мне сразу подумалось, что их никто не видит кроме меня.

Ветер не переставал шуметь, и мой страх заставил меня уйти с берега поскорее и пойти туда, где много народа. Иду к остановке, которая не далеко от моста. Ветер перестает шуметь, но даже оттуда мне видны эти стеклянные монстры. Сажусь в автобус, который едет параллельно берегу, на этой остановке он единственный, другие едут через мост.

Расплачиваюсь водителю, и пробираюсь к окну. Все места заняты, люди стоя едут, держась за кресла и за ручки около окна.

В своем отражении в стекле мне что-то показалось странным. Что-то с глазами, будто сильно покраснели. Достая телефон и в нем пытаюсь рассмотреть свои глаза. Увиденное меня шокирует так, что чуть не роняю телефон пассажирам на топтание.

Зрачки увеличились еще больше, и словно, вышли за пределы радужки. Как черная акварель по воде, расплылся черный ручеек в глазном яблоке.

И получились две большие черные радужные оболочки, и черные капилляры в правом глазу. Ну и зрелище.

Опускаю глаза и решаю, что не выйду на улицу пока мы еще близко к реке.

Люди садятся и выходят из автобуса, медленно мы подъезжаем к конечной. Оглядываюсь, а никого и нет, все уже вышли. В автобусе объявляют название остановки и называют ее конечной. Выхожу и совершенно не понимаю где я. Автобус поворачивается и уезжает, понимаю, что никакой другой сюда больше не приедет. Осматриваю местность, нет, совершенно не знакома. Нет магазинов, жилые дома и только узкая дорога между ними.

Улица поднималась вверх, а верхушкой был странный подъезд, как тогда мне показалось. К дому пристроен маленький замок. Красные камни под старину, маленькие окошки и дубовая дверь. И все это чудо было размером в два этажа максимум. Когда мне удалось, подойти ближе, стало ясно, что это магазин. На стекле висела вывеска «открыто» и часы работы рядом.

Открываю дверь и захожу внутрь. Там продавали посуду. На деревянных полках стояли, как дома, разные чашки, кружки, чайнички. И незаметно к ним были прицеплены ценники. У меня была только одна цель, спросить едет ли отсюда что-нибудь, или как пройти пешком к людям.

Вижу за деревянным прилавком, больше похожим на бар сидит молодая женщина и рыдает. Она даже не заметила меня. А справа от нее в углу сидела старуха и рядом с ней, похоже, ее внук. Уж они-то меня и заметили. Старушка встала со скамейки, которая при этом закрипела, пробудив внимание женщины. Протирая глаза, еще не подняв голову, она говорит:

– извините, вам что-нибудь подсказать... – поднимает глаза на меня. Взгляд ее замирает. Она пытается что-то разглядеть во мне.

– мне нужно узнать... просто только здесь я могу спросить, как отсюда уехать?... – говорю я глядя в пол, – автобусов больше не будет?..

– правильно вы к нам зашли, – говорит она, пытаясь рассмотреть меня, – ничего не едет. Если только по дамбе выйти на мост, а на том берегу и остановка сразу... О, уже дождь начался, не обманули...

Действительно, капли дождя застучали по стеклу, и кажется, вот-вот начнется гроза. Старушка стоит за моей спиной, я делаю вид, что рассматриваю чашки, женщина за баром подходит ближе и заглядывает в глаза. Делает вид, мол, так и думала, мол, я тебя узнала, не совсем понимаю, что это значит и собираюсь уходить, поворачиваюсь к двери, а женщина останавливает меня:

– не уходите, – говорит она, – такой ливень, не уходите.

– зачем, – печально спрашиваю я.

Такая странная ситуация выходит. Будто мы все друг друга знаем, и просто дали обет забыть друг друга. И вот нас запирают наедине. Такая странная ситуация.

– подойди-ка ко мне, – говорит мне старушенция. Ее внук смотрит на происходящее с интересом.

Конечно, я не могу так просто ее проигнорировать, но не спешу поворачиваться к ней, зачем мне лишние вопросы.

– я знаю, – говорит она, – ну конечно. И что там? Она была там?

– кто она, – не понимаю я.

– сидит на берегу и ждет уставшие души... – говорит, словно читает строку из легенды.

Я в ужасе молчу. Ничего не понимаю.

– значит она еще там...

– мам. Хватит, – перебивает старушку женщина, – не лезь к человеку. Оставайтесь, – говорит она мне очень вежливо, и при этом мило улыбается, – хотя бы подождите, пока дождь закончится.

– ладно, – говорю я и прикусываю губу, мне страшно оставаться, но еще страшнее возвращаться домой. Было чувство, что меня сюда привела судьба, или что-то такое...

– мам, закрой магазин и спускайся к нам. Ваня, пошли, – обращается она к мальчику.

Женщина открывает дверь, что была справа от бара, впритык к скамейке, на которой сидели старуха и ребенок. Дверь открыла нам лестницу, ведущую в подвал. Лестница была из пяти ступенек, а подвал очень светлый и чистый. Там стояли коробки с товаром, а справа стоял стол и пять мягких кресел. Мы сели за стол, мальчик сел рядом со мной и с интересом рассматривал меня, женщина села напротив. Сразу как мы сели, бабушка спустилась с чайником и кружками. У женщины был такой вид... она должна рассказать что-то важное.

Пока бабушка наливала нам черный чай, женщина как-то виновато улыбалась и не знала с чего начать. Ребенок сразу начал пить чай. Я жду, пока мне что-то скажут, бабушка ждет, пока женщина соберется, а она просто размешивает чай ложкой.

– так, ладно, – наконец говорит она, – ну я знаю, почему вы здесь, вы думаете, это случайно. Но вы же не думаете что после всего, как я полагаю, с вами могло случиться, есть место случаю?

– о... смотря о чем вы, – делаю вид, что не понимаю я.

– в ваших глазах... – начинает она, – можно на «ты»? неудобно просто, – я киваю, – в общем, в твоих глазах все написано. Ты уже там.

– в смысле.

– твоя душа давно сгнила. Поэтому они и выбрали тебя, – выдала старуха, видно устав ждать пока мне это скажет женщина. Я вспыхиваю и резко встаю, кресло рушится на пол. Женщина тоже встает и пытается меня догнать на выходе.

– прости! Извини ее, пожалуйста! Не уходи! – кричит она мне, пока я пытаюсь открыть дверь, но старушка то ее закрыла.

Я оборачиваюсь к ней с выражением лица, мол, открой.

– ну, открою я дверь. Куда ты пойдешь-то, – вмешивается старуха.

– домой пойду, – огрызаюсь я.

– да нет у тебя в нашем мире больше дома...

– мам! Хватит! Замолчи немедленно! Вообще уйди, ты все портишь...

– откройте, – говорю я с самым разочарованным видом.

– не уходи, пожалуйста, – подходит она и, кладя руки на мои плечи, говорит очень убеждающее, – ну не уходи. Скажи, сколько дней осталось. Ну.

– о чем именно вы... ты спрашиваешь, – также разочарованно и грустно говорю я.

– когда ты уйдешь?.. – почти шепотом спрашивает женщина.

– Зачем вы это спрашиваете? – обращаюсь я к обеим.

– остаться здесь ты не можешь, но помочь понять тот мир, мы поможем, – опять вмешивается бабка.

– и что будет. Что мне делать то, – раздраженно говорю я. – откуда вы вообще про это знаете?

– знаем, – кивает женщина в подтверждение собственным словам, – завтра особенный день. Ты видишь те колбы над рекой?

– вы видите?.. – удивленно и даже ошарашено спрашиваю.

– да видим, – говорит она и поворачивается к старухе, та кивает в подтверждение, – тебе лучше остаться у нас.

– зачем?

– завтра будут нечто особенное. Нужно чтоб рядом тот, кто понимает что происходит.

– а вы понимаете?

– понимаем.

Кража Дней

Как-то он написал мне, что все люди одинаковы. И нет в этом ни хорошего, ни плохого. Так просто есть. Мы даже сами не понимаем, какие мы. Мы похожи на своих родственников, похожи на своих соседей. Мы такие же, как наши начальники. Как кто-то проходит мимо тебя в подземке и он такой же. Тогда почему мы ненавидим друг друга?

– чтобы вы сделали, если бы увидели своего клона? – спрашивает репортер у «случайного» прохожего на улице. Парня лет двадцати.

– ахах. В чем именно клон?

– внешность, поведение. Манеры.

– ух, я бы испугался.

– чтобы вы сделали, если бы увидели своего клона? – спрашивают у девушки.

– я бы убила ее. Ну, если она мой клон. То ее и нет. На самом-то деле...

Майя закрыла собой телевизор. Это та женщина из магазина посуды. А Ваня ее сын. Сейчас мы сидим в ее кабинете. Их магазин арендует в жилом доме две квартиры, на первом этаже, на втором и соответственно подвал. Мы сейчас на втором этаже. Так странно, окна в ее кабинете открывают вид на реку, но не видно стеклообразных...

– ты не волнуйся только. Все хорошо будет. Завтра поедем к моему мужу, там концерт. И раз там будет много народу, то что-то произойдет именно там, – перебивает она все мои мысли.

– концерт как будет проходить, – спрашиваю я.

– под открытым небом. Только навес над сценой. Где-то три тысячи человек и все должны быть в белом.

– кто выступает?

– много кого. А мой муж будет следить, чтоб все работало.

– ясно.

– где твоя семья... – как бы и неловко и аккуратно спрашивает она.

– нет уже никого, – тихо отвечаю я.

– тогда понятно, почему ты, – поймав мой резкий, недовольный взгляд, она пролепетала, – извини. И мать мою прости. Иногда она такая... «деревня».

Понимаю что определение ее нетактичности не совсем «деревня» но не собираюсь поправлять Майю.

– ладно. Хотя я и не понимаю, о чем она вообще говорила. Ладно, – бурчу я.

Она улыбается и смотрит на меня. Смущаюсь когда понимаю, что она рассматривает мои нечеловеческие глаза.

– покажи руки, – говорит она мне, заметив мое смущение.

– зачем.

– должны появятся знаки, – я понимаю, что она имеет в виду странную родинку. Протягиваю руку и замечаю, что рядом появилась еще одна родинка. Как две планеты, большая и маленькая, стали в одну линию...

– ух ты... этого ведь не было раньше? – спрашивает она слегка восторженно.

– не было, – говорю я.

– ну, ты не волнуйся, – через пару минут молчания выдает Майя, – будет интересно завтра.

На ее рабочем столе я вижу кое-что невероятное. На нем стоит фотография ребенка... той самой девочки из моих снов. У нее такие же темные волосы и даже платье то же самое. Только вот глаза обычные. Немедленно спрашиваю у Майи кто эта девочка. Она отвечает:

– а? эта? Так это же я. А что такое? – я пытаюсь понять что происходит, и не говорю Майе что знаю этого ребенка.

– просто так. Мне сразу показалось, что это ты, – нагло вру я.

– ахах! Правда? Я тогда такая милая была... – на этом разговор заканчивается.

...

Наутро следующего дня похолодало, но это сделало его еще более летним. Когда мы вышли на улицу, мне показалось, что все стало, каким то белым. Заметнее стали белые цветочки на деревьях. Заметнее белые кусты около подъездов...

Мы сели в машину Майи. Мы с Ваней сидели на заднем сиденье, он всю дорогу разглядывал меня так странно по-детски. Ехали мы часа полтора, а потом на дороге стали видны следствия концерта. Слишком много припарковано машин. Пришлось остановиться раньше, припарковаться дальше и идти больше. Рядом с остановкой была куча киосков со всякой всячиной, так же магазин с музыкальными инструментами. Рядом с ним мы и припарковались. Проезжая часть была очень широкой, две длинные зебры и один светофор. Прямо напротив того места где мы стояли находится стадион. В нем и будет этот концерт. На некоторых домах висят большие плакаты фестиваля, валяются флаеры. Молодежь бегают в футболках с символом фестиваля.

Когда мы, наконец, перешли дорогу и даже прошли толпу народу рядом со входом, мы сразу направились к менеджерам фестиваля. Вскоре нашелся муж Майи, недолгое знакомство, оставление Вани в кабинете отца и Майя повела меня к автоматам с кофе и чипсами. На удивление там была небольшая очередь, себе она купила кофе, и мне тоже. Причем, не спрашивая хочу ли я.

Потом начали запускать народ на места, проверять билеты и тому подобное. Мы тоже прошли, но не по билету, а по какой-то карточке, которая была у нее. Тут мне стало понятно, как будет проходить концерт. Стадион обычный, трава зеленая, почти круглый он, как и положено. На обычных местах, где смотрят обычную игру, самые дешевые пропускные. На траве поставили сцену, спиной к той стороне, кого ни куда не пускают, там техника и техники. Перед сценой, опять же на траве, места подороже. Туда сели я и Майя. Люди кругом шумели, смеялись, не все места еще были заняты.

На мое удивление заиграла музыка. Майя испугано встала и попросила идти за ней. Она быстро пробежала, толкаясь между людьми в белых шмотках, являясь черной вороной. Мне пришлось постараться, чтоб не отстать от нее.

Она бежала из стадиона, я бегу за ней, на улице народ все идет на концерт. Наконец она перестала бежать, а просто очень быстро шла, я кричу ей в след, чтоб она меня подождала, а она лишь говорит мне не отставать.

Белые киоски, белые бумажки на земле, белые тучки и синее-синее небо. Что-же происходит? Куда мы бежим?

Внезапно Майя останавливается и озирается по сторонам, прямо около перехода, что напротив большого дома, на котором нарисован корабль. Станный дом и все те же киоски. До безумия их много, линией идут от стадиона и до самого моста. Мы довольно далеко пробежали, сейчас мы почти на середине «киосочной» линии. Майя продолжает что-то искать глазами:

– что ты делаешь? Зачем мы убежали? – спрашиваю я.

– я ищу Японию, – так непринужденно отвечает она.

– что? Какая Япония? – не понимаю я.

– лучше помоги мне, – говорит она, – посмотри по сторонам! Внимательно...

Я офигеваю от нее, но просьбу выполняю. Оглядываюсь по сторонам и конечно не жду никакой «Японии». Вижу; множество людей, на нашей и противоположенной стороне дороги, вижу саму широкую дорогу, светофор, зебру, дом с корабликом, еще кучу непримечательных

домов на нашей и другой стороне, слышу отголоски музыки со стадиона. Вижу девушку что-то неприятное услышавшую от парня и ударившую его по щеке. Вижу девочку с клеткой, внутри которой кот с перебинтованной лапой. Другая девочка на остановке пускает мыльные пузыри. Даже отсюда вижу отблески воды на реке. Вижу, как машины едут по мосту. На окнах дома напротив повесили какой-то плакат с иероглифами и огромным красным пятном посередине. Красный круг – красное пятно... Флаг Японии? Оборачиваюсь на Майю, она тоже куда-то смотрела, окликаю ее и показываю рукой на плакат. Выражение лица Майи, из озадаченного сменяется на радостное.

Она подходит ко мне, говорит, что я молодец, треплет мои волосы и идет через переход к дому. Мол, я такое милое и умное дитя?

– Май, что мы ищем? – спрашиваю я, когда мы перешли дорогу.

– Мы ищем твой смысл, – отвечает она, улыбаясь, хотя по-прежнему, она пялится на плакат.

– какой смысл? почему мой? – не понимаю я.

И тут резкий звук, треск, и из этого дома, из окна вываливается банка краски и все это брызгами пачкает платье Майи. Мне невероятно повезло, ни капли не задело. А вот ее платье было убито. Весь подол из кружев был в краске. Серый верх и черный жакет были в брызгах. На асфальте кровавая лужа краски. Это событие, будто развеселило Майю. Она повернулась ко мне и чуть не смеясь, показывает на краску. Я в шоке, несколько человек проходящие мимо оглядывались на нас.

– Боже... – только и говорю я. Что нам делать с этим? До машины далеко, некуда идти.

– пошли! – показывает она на один из киосков, – там продают краску!.. – бодро так говорит она и убегает к этому киоску.

Я за ней, она подбежала к нему, врывается в этот маленький магазинчик, без спроса хватая банку белой краски и показывает ее мне.

– гляди! Это замечательно! То, что нужно! Хватай! – мне показалось, это она говорит мне, но из неоткуда появилась продавщица и схватила меня как убегающего вора. Майя открывают ту самую банку с краской, поднимает ее над своей головой и выливает прямо на себя.

Все волосы и все лицо белые, белые плечи и волнами краска стекает по всей одежде, капает на пол. Продавец держит меня и будто в восторге от происходящего, как и Майя. Она, наконец, открывает глаза и смотрит на меня, только я в ужасе от происходящего, мне кажется, что она хочет рассмеяться, Майя открывает рот и замирает. Из него густо потекла кровь, растеклась по белой краске, одежде, потекла на пол. Она застыла в восторженном взгляде и только изо рта текла кровь, ручейками растекаясь в краске. Как вишневое варенье в молоке...

...

Продавщица отпускает меня, я собираюсь убежать и рвусь к двери, но она оказывается закрытой. Из кармана она достает нож и, глядя на меня полоснула им себе по горлу. Падает на пол без сознания, Майя подходит к ней и поднимает нож, понимаю, что это не к добру и убегаю в какую-то комнату за витриной. Там стоят коробки, банки с краской и лестница на верхний этаж. Майя бежит за мной, я быстро поднимаюсь наверх и вижу что там ремонт. Железные трубы, коробки, куски бумаги и всякий хлам. Так же там есть маленький балкончик с лестницей прямо на улицу. Майя уже в комнате, скорее на балкон и спускаюсь вниз. Дверь на балкон как-то странно сама захлопнулась и вижу, что Майя не может пойти за мной дальше. Она стучит мне в стекло и потом, пальцем, испачканным в крови, пишет на стеклянной двери балкона: №8...

Я оглядываюсь вокруг и понимаю что это не то, что должно быть... Двор не тот, захожу к парадному входу в магазин и точно! Нет дороги, нет домов, скрывающих главную дорогу, кругом только поле, даже стадиона нет, ничего. До горизонта море цветов, травы и только недалеко от киоска, что так странно стоит здесь, есть ржавые качели и лавка. Качели довольно

высокие, метра три, и прутья что держат сиденье из очень толстой железки. На них видна ржавчина и я представляю, как они должны скрипеть.

«Ты просто пойми, что мы ничего не должны ей.»

Подхожу к качелям и вижу на земле под ними пятна еще не засохшей крови... Вспоминаю, откуда они здесь. Когда летом, в последние месяцы мы здесь были втроем, Она качалась на качелях, а Катя дернула их, будто хотела остановить. Она сорвалась с них и упала, когда они пролетали над землей, ударили ее со всей силы, потому что были сильно раскачены.

Решаю отойти подальше. Из магазина могла выбраться сошедшая с ума Майя, да и вообще здесь не очень весело. Прохожу я метров сто и, забравшись на невысокий холм, вижу, внизу, сразу за ним, есть большое болото. Раньше мне его не было видно, а сейчас оно предстало мне во всей красе. Его можно обойти, спускаюсь с холма и иду по правую сторону болота рядом с деревьями, но не отхожу от него далеко. Недалеко от меня, была какая-то странная ветка, как мне казалось, когда я подхожу ближе, я вижу – это стул, весь обросший мхом и обставленный ветками, он стоит на небольшой кочке прямо в болоте. До твердой земли ему было метра два, видимо он стоял здесь еще до того как болото разрослось.

Когда обхожу все болото, оборачиваюсь и вижу, что на стуле кто-то сидит! Это девушка, одежда и волосы у нее испачканы в грязи и смотрит она себя под ноги и голову не поднимает. Я подхожу ближе, она замечает меня, поднимает глаза и спрашивает:

– здесь? – так странно и внезапно.

– почему ты сидишь тут? – спрашиваю я и про себя думаю – нужно ей помочь, сама она не сможет пройти через два метра болота.

– я не помню, – отвечает она. Я нахожу длинную ветку под ногами и говорю ей.

– тебе нужно выйти отсюда. Хватай ее и иди ко мне, – я подхожу ближе к болоту и протягиваю ей ветку. Она берется за нее и ступает в болото. Видно, какое оно вязкое и как тяжело идти через него. Она делает еще пару тяжелых шагов и тут из черноты наверх выплывает скелет собаки. Девушка пугается и очень быстро оказывается на земле рядом со мной. У нее испуганные глаза, темные волосы и под пятнами грязи скрывается красивая, загорелая кожа. Я поворачиваюсь спиной к болоту и просто обалдеваю, на пустом месте, где были только цветы и редкие тополя, появился лес. Девушка не обращает внимания на мое удивление и тянет меня за рукав идти в лес. Я слушаюсь, ведь больше мне ничего и не остается.

Мы идем по довольно светлому, летнему лесу. Деревья в нем старые и очень высокие, нет кустарников, да и травы не много, кругом кем-то протоптанные тропинки. Еще не слишком далеко мы ушли от болота, как что-то устрашающее встретилось на пути. На дереве слева от нас, прямо на ветке, кто-то сидит. Видно его только со спины, да и она голая и вся абсолютно черная. На лысой, черной голове какой-то темный платок. Меня пугает это зрелище, но девушка снова тянет меня за рукав, и я решаюсь продолжить путь. Мы подходим к этому существу вплотную, обходим его, чтобы смотреть ему в лицо. Девушка показывает мне на него рукой, а я не могу ничего сказать, потому что вид его спереди шокирует еще больше. Глаза у него большие и полностью черные. Между бровей небольшая золотая звезда, как пирсинг. Штаны и обувь из темной ткани с очень странным рисунком.

– здесь? – внезапно говорит мне существо. Тоже что сказала мне тогда девушка... голос у него странный, такой и звонкий, и шершавый. И, в общем, мне он показался звериным, но странно по-человечески умным. Девушка пихает меня в бок, мол, отвечай.

– что здесь? – неуверенно спрашиваю я.

– здесь делаешь почему? – опять так странно говорит существо и смотрит мне прямо в глаза.

– не знаю, – отвечаю я, – почему вы сидите на ветке? – внезапно спрашиваю я, даже для себя.

– черти на ветке сидят, – отвечает мне, будто одним словом и продолжает смотреть прямо в глаза.

– вы черт значит? – продолжаю я, хоть и понимаю, нужно заткнуться.

– я нет. А ты черт. Может мне подвинутся, ты со мной сядешь? – спрашивает существо словно и, не спрашивая, а просто бубня.

– я не черт, – говорю я.

– черт не черт, а души нет. И не съест, черт значит, – говорит мне и все смотрит в глаза, будто залезть в них хочет, – с ней не ходи, – продолжает существо и показывает длинным пальцем на девушку.

– она что черт? – говорю я.

– с мертвыми не ходи, – говорит, как бы велит замолчать.

Девушка снова тянет меня за рукав, показывая, что нужно идти дальше. Мы оставляем «черта» и идем дальше, еще пару минут я оглядываюсь и жду, что он пойдет за нами.

Наконец лес заканчивается и появляется дорога, она асфальтирована и слегка занесена песком. Мы перешли ее и сели на лавку, что стояла на остановке оказавшейся там. За нашей остановкой ничего и не было. Только опять поле и песок. Перед нами дорога и лес, словно планета разделилась пополам, на лес и поле, а разделяет их только тоненькая дорога. Наконец пришел автобус, без номера и без пассажиров. Только водитель, лицо его было скрыто за абсолютно белой маской. Когда мы сели на кресла он крикнул нам, и голос его так же был странным. Но более «человеческим» чем у черта.

– куда здесь? – опять это «здесь». Вот почему?

Девушка подбежала к нему и что-то сказала. Мы поехали и она села напротив меня. Была где-то моего возраста и кого-то страшно мне напоминала.

– куда мы едем, спрашиваю я?

– ты возвращаешься, – говорит она.

– в смысле? – не понимаю я.

– ты. Ты все исправишь. Или я всегда буду думать, что вы ее убили.

– кого убили?! – я в совершенном шоке.

Она поднимает глаза на меня. И тут я задыхаюсь, глаза у меня закрыты, хочется кашлять. Инстинктивно поднимаюсь и, открыв глаза, вижу, что я в своей ванной. Она полна воды и я в ней, прямо в одежде и обуви.

Я уже выхожу из ванной в чистой одежде и слышу, как по телевизору говорят про погоду. Я прислушиваюсь и понимаю что что-то не так. Словно сегодня только тот день, когда мы поехали с Майсей на концерт, и сейчас только утро.

Тут раздался звонок в дверь, и я вздрагиваю. Кто бы это мог быть? Подхожу к глазку, и тут сердце мое останавливается. Приехала моя сестра. Зачем? Она звонит мне еще раз, в моей голове проносится мысль о том, что можно притвориться, дома никого нет, но тут же вспоминаю, у нее есть ключи. Открываю дверь. Она оценивающим взглядом смотрит на меня, не собирается заходить, в руках ее сумка и пакет полный еды. Я тоже смотрю на нее, она понимает, мой взгляд...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.